

УДК 341.324.24
DOI <https://doi.org/10.32841/ILA.2020.23.22>

ЮРИНЕЦ Ю. Л.,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры конституционного
и административного права
Национального авиационного университета

БЕЛКИН М. Л.,
кандидат юридических наук,
адвокат

СОПИЛКО И. М.,
доктор юридических наук, профессор,
декан юридического факультета
Национального авиационного университета

БЕЛКИН Л. М.,
кандидат технических наук, старший научный сотрудник,
адвокат

«ГИБРИДНАЯ ВОЙНА» И «ГИБРИДНАЯ ОККУПАЦИЯ»: ГУМАНИТАРНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ И ВЫВОДЫ ДЛЯ УКРАИНЫ

Анотація. У статті розглядається співвідношення обов'язків країни-агресора і країни-жертви щодо забезпечення нормальної життєдіяльності населення на територіях, які перебувають під контролем держави-агресора («гібридна окупація», «ефективний контроль»), забезпечення дотримання прав і свобод громадян. Такий стан зазначених територій виникає через нездатність держави-жертви контролювати такі території. Водночас «гібридна окупація» – це такий стан окупації, який є неочевидним. За таких умов у країни-агресора виникає спокуса перекласти відповідальність за дотримання прав і інтересів населення, що перебуває під «гібридною окупацією», на країну-жертву. Спори щодо такої відповідальності є частиною інформаційної війни проти країни-жертви «гібридної окупації». За таких умов вимагає чіткого юридичного встановлення коло обов'язків країни-жертви щодо своїх громадян, які перебувають під «гібридною окупацією». Тож метою статті є дослідження питань розмежування відповідальності країни-агресора і країни-жертви за забезпечення життєдіяльності на територіях, що перебувають під «гібридною окупацією», за дотримання прав і свобод громадян.

Аналіз міжнародно-правових норм у цій сфері зроблено на підставі 6 рішень Європейського суду з прав людини, а саме: «Лоїзиду проти Туреччини», «Кіпр проти Туреч-

чини», «Ілашку та інші проти Молдови та Росії», «Чирагов та інші проти Вірменії», «Хлебик проти України», «Цезар та інші проти України», зокрема двох останніх – безпосередньо щодо України. Доведено, що відповідальність за благополуччя і дотримання прав населення зазначених територій Судом повністю покладається на державу, що окупує (контролює) ці території. Отже, українська влада та інші офіційні особи не повинні соромитися і виправдовуватися за неможливість здійснювати дані дії щодо територій, які Україна не контролює.

Ключові слова: «гібридна війна», «гібридна окупація», «ефективний контроль», країна-агресор, країна-жертва, Європейський суд із прав людини.

Постановка проблеми. В современных условиях мировой глобализации «гибридная война» стала одной из угроз государствам. Обобщение признаков «гибридной войны» даёт такое её неофициальное определение: это военная стратегия, которая использует политическую войну и сочетает обычную войну, нерегулярную войну и кибервойну с другими методами воздействия, такими как фальшивые новости, дипломатия, правоохранительные органы и иностранное вмешательство в выборы¹. Агрессор часто прибегает к скрытым действиям, чтобы избежать идентификации или возмездия². В обзоре, размещенном на ресурсе «NATO Review», прямо отмечается, что события в Крыму и в Донбассе 2014 является гибридной войной Российской Федерации (РФ) против Украины³. Как отмечается в статье [1, с. 127], сегодня сущность понятия «гибридная война» целесообразно рассматривать с учетом особенностей агрессивных действий РФ против Украины. Итак, выбранная тема статьи является актуальной.

Анализ последних исследований и публикаций. Исследованию «гибридной войны» посвящено относительно небольшое количество научных работ [1-5 и др.]. При этом подавляющее большинство работ посвящено исследованию признаков гибридной войны и иногда – способам ее ведения. При этом вопросам последствий гибридной войны внимание практически не уделяется. Вместе с тем, в случае относительной удачи страны-агрессора у страны-жертвы «гибридной войны» возникает такое последствие «гибридной войны», как «гибридная оккупация» территории [6]. В судебной практике Европейского Суда по правам человека (далее – ЕСПЧ) эту ситуацию называют еще «эффективный контроль» [со стороны государства-агрессора] [7-9 и др.]. Это состояние возникает из-за неспособности государства-жертвы контролировать такие территории. Вместе с тем, «гибридная оккупация» – это такое состояние оккупации, которое является неочевидным. В частности, генерал-лейтенант Военно-воздушных сил США Д. Пасека утверждает, что «гибридные» угрозы имеют нечеткую форму, их трудно выделить, обнаружить, идентифицировать и

¹ https://en.wikipedia.org/wiki/Hybrid_warfare.

² <https://www.nato.int/docu/review/articles/2014/11/18/deterring-hybrid-warfare-a-chance-for-nato-and-the-eu-to-work-together/index.html>.

³ Там же.

организовать соответствующее противодействие⁴. При таких условиях, у страны-агрессора возникает соблазн переложить ответственность за соблюдение прав и интересов населения, находящегося под «гибридной оккупацией», на страну-жертву.

Целью статьи является исследование вопросов разграничения ответственности страны-агрессора и страны-жертвы за обеспечение жизнедеятельности на территориях, находящихся под «гибридной оккупацией», за соблюдение прав и свобод граждан. Отдельные вопросы этой тематики исследовались в публикациях [6, 7, 10-14].

Изложение основного материала исследования. В статье [9] авторы утверждают, что концепция эффективного контроля, затрагивающего вопрос установления контроля государства над действиями военного и полувоенного характера определенных лиц и его ответственности за это, разработана Международным судом ООН в решении по делу «Никарагуа против США» [9, с. 193]. В дальнейшем эту концепцию, начиная с Постановления от 23.03.1995 по делу «Лоизиду (Loizidou) против Турции» (жалоба № 15318/89), систематически использовал ЕСПЧ для обоснования «плавающей» юрисдикции государства-агрессора, которая изменяется вследствие военных действий. В частности в Постановлении указано⁵:

– ...ответственность государства может иметь место за действия их должностных лиц, совершенные в рамках или вне национальных границ, которые имели воздействие за пределами их собственной территории... Такая ответственность государства также может возникнуть в результате военного действия – законного или незаконного – при обеспечении эффективного контроля за пространством, находящимся за пределами его национальной территории. В этой области обязательство по защите прав и свобод, закрепленных в Конвенции, устанавливается наличием факта этого контроля, осуществляемого напрямую через вооруженные силы или подчиненную местную администрацию (п. 62 Постановления);

– в этом отношении государство-ответчик признало, что утрата заявителем ее собственности возникла в результате оккупации северной части Кипра турецкими войсками и установление там «Турецкой Республики Северный Кипр» («ТРСК»). Более того, не оспаривался тот факт, что заявитель была лишена доступа к своей собственности из-за присутствия турецких Вооруженных Сил (п. 63); следовательно, эти действия относятся к «юрисдикции» Турции по смыслу статьи 1 Конвенции (п. 64).

В решении ЕСПЧ от 10.05.2001 по делу «Кипр против Турции» суд подтвердил его практическую позицию относительно общей ответственности Турции в соответствии с Конвенцией за политику и действия властей «ТРСК» (п. 77 Решения). При эффективном контроле над северным Кипром ответственность Турции как контролирующего государства распространяется как на ее собственные органы, так и на местную админи-

⁴ Цитируется по статье [1, с. 125]

⁵ https://european-court.ru/uploads/ECHR_Loizidou_v_Turkey_18_12_1996.pdf – на русском языке, <https://www.refworld.org/cases,ECHR,43de104d4.html> – на английском языке

страцію, которая выживает благодаря турецкой военной и другой поддержке. Следовательно, именно Турция несет ответственность за весь спектр прав, вытекающих из Конвенции и протоколов к ней. Основываясь на подробном анализе (решение суда включает 388 пунктов), ЕСПЧ пришел к выводу, что имеют место систематические нарушения прав по всему спектру, гарантированному Конвенцией в «ТРСК», и что Турция несет ответственность за эти нарушения. К числу нарушенных прав ЕСПЧ отнес следующие нарушения: право на жизнь (ст. 2 Конвенции, п. 136 Решения), право на свободу и безопасность (ст. 5, п. 150), запрет пыток (ст. 3, п. 158), право на уважение частной и семейной жизни (ст. 8, п. 175), защита собственности (ст. 1 Протокола № 1, п. 189, 269-270), право на эффективное средство правовой защиты (ст. 13, п. 194); право на свободу мысли, совести и религии (ст. 9, п. 246), свободу выражения мнения (ст. 10, п. 254), право на образование (ст. 2 Протокола № 1, п. 280), право на уважение частной и семейной жизни и на уважение их жилища (ст. 8, п. 296, 301); право на справедливое судебное разбирательство (ст. 6, п. 359). Таким образом, ЕСПЧ установил нарушения Конвенции со стороны государства, осуществляющего «эффективный контроль» – Турции, – которая осуществляет военный контроль и контроль над местной администрацией⁶.

При рассмотрении ЕСПЧ жалобы № 48787/99 заявителей в деле «Илашку и другие против Молдовы и России»⁷ (08.07.2004) относительно нарушений прав человека в Приднестровье, «гибридный оккупант» – РФ – вела себя по типичному принципу «нас там нет», который затем широко использовала в ситуациях в Крыму и в Донбассе. Так, в п. 305 решения по данному делу зафиксировано, что РФ указала, что Молдавское правительство – единственное легитимное правительство Молдовы. Приднестровье должно рассматриваться как неотъемлемая часть Молдовы, и только Молдова несет ответственность за действия на этой территории. Вопреки этой позиции ЕСПЧ указал, что практически с первых дней независимости, признанной международным сообществом, Республика Молдова столкнулась с сепаратистским движением в Приднестровье. В декабре 1991 это движение приобрело форму вооруженного сопротивления законным властям, которое (сопротивление) было поддержано вооруженным персоналом 14-й армии. РФ, в состав которой входила эта армия, не препятствовала участию своих вооруженных граждан на официальной военной службе в боевых действиях на стороне сепаратистов (п.п. 323, 325, 330). Более того, руководство РФ напрямую поддержало эти сепаратистские действия политическими декларациями. ЕСПЧ пришел к выводу, что власти РФ внесли решающий военный и политический вклад в создание сепаратистского режима в Приднестровье, которое является частью территории Республики Молдова (п.п. 323, 325, 330). В этих условиях Молдова фактически мало что

⁶ <http://base.garant.ru/12130017/> – на русском языке, [https://hudoc.echr.coe.int/eng-press#{%22itemid%22:\[%22001-59454%22\]}](https://hudoc.echr.coe.int/eng-press#{%22itemid%22:[%22001-59454%22]}) – на английском языке

⁷ http://sutyajnik.ru/rus/echr/judgments/ilascu_rus.htm – на русском языке, [https://hudoc.echr.coe.int/fre#{%22itemid%22:\[%22001-61886%22\]}](https://hudoc.echr.coe.int/fre#{%22itemid%22:[%22001-61886%22]}) – на английском языке

могла сделать для восстановления своей власти над приднестровской территорией, хотя власти Республики Молдова постоянно обращались к международным организациям и мировому сообществу с призывом содействовать территориальной целостности республики (п.п. 333, 341). В свете всех этих обстоятельств ЕСПЧ пришел к выводу, что РФ несет ответственность за незаконные действия, совершенные приднестровскими сепаратистами, учитывая военную и политическую поддержку, оказываемую им с целью помочь им установить сепаратистский режим. Таким образом, ответственность за соблюдение прав человека в приднестровском регионе полностью лежит на РФ, которая осуществляет эффективный контроль над этими территориями (п.п. 381, 382, 384).

Указанные правовые позиции были положены в основу Постановления ЕСПЧ от 16.06.2015 по делу «Чирагов и другие против Армении» (жалоба № 13216/05)⁸. В Постановлении, в частности, сказано:

– согласно ст. 42 Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны (Гагская конвенция 1907 г.), «территория признаётся занятой, если она, действительно, находится во власти неприятельской армии». Соответственно, оккупация в значении Гагской конвенции существует, когда государство действительно осуществляет власть над территорией или частью территории неприятельского государства. Требование о действительной власти широко признается синонимом эффективного контроля (п. 96 Постановления);

– соответственно, Судом приняты во внимание заявления официальных лиц Армении, например, заявление бывшего министра обороны Манукяна, который признал, что фактически армяне Карабаха – сторонники «НКР» – и военнослужащие армянской армии объединились в боевых действиях независимо от того, был ли кто-то карабахцем или армянином (п. 62); заявление действующего Президента Армении С. Саргсяна в январе 2013 г., в котором он провозгласил, что цель внешней политики Армении заключается в том, чтобы добиться правового признания победы, которой добилась «наша армия» в Нагорно-Карабахской войне (п. 72 Постановления). Следует также отметить, что власти Армении в настоящем деле признали со ссылкой на соглашение о военном сотрудничестве 1994 года, что Вооруженные силы Армении и силы обороны «НКР» сотрудничают в оборонительном союзе (п. 178);

– ...на основании многочисленных докладов и заявлений, изложенных в Постановлении, Суд находит установленным, что Республика Армения была существенно вовлечена в Нагорно-Карабахский конфликт с раннего периода. Эта военная поддержка имела и имеет решающее значение для завоевания и продолжения контроля над данными территориями, и имеющаяся информация, в том числе, не в последнюю очередь, соглашение о военном сотрудничестве 1994 года, убедительно доказывает, что Вооруженные силы Армении и «НКР» в высокой степени интегрированы (п. 180);

⁸ <http://base.garant.ru/71248834/> – на русском языке; <https://www.refworld.org/cases,ECHR,5582d29d4.html> – на английском языке.

– ...факты рассмотренного Европейским Судом дела «Залян, Саргсян и Серобян против Армении» (п. 76) показывают не только присутствие армянских войск в Нагорном Карабахе, но и деятельность агентов правоохранительных органов Армении и осуществление юрисдикции судов Армении на этой территории. Дело Григоряна (п. 77) содержит сходное указание (п. 182 Постановления);

– наконец, финансовая поддержка, оказанная «НКР» Арменией или через нее, является существенной (п. 183 Постановления);

– все вышеизложенное свидетельствует, что Республика Армения с первых дней Нагорно-Карабахского конфликта имела значительное и решающее влияние на «НКР», что два субъекта в высокой степени интегрированы почти во всех важных аспектах и что эта ситуация сохраняется по сей день. Другими словами, «НКР» и ее администрация существуют за счет военной, политической, финансовой и иной поддержки, оказываемой ей Арменией, которая, следовательно, осуществляет эффективный контроль над Нагорным Карабахом и прилегающими территориями, включая Лачинский район. Таким образом, обжалуемые вопросы относятся к юрисдикции Армении для целей статьи 1 Конвенции. Соответственно, возражение властей Армении по поводу юрисдикции Республики Армения над Нагорным Карабахом и прилегающими территориями должно быть отклонено (п.п. 186, 187).

То есть, ЕСПЧ признал ответственность Армении за соблюдение прав человека на указанной территории.

25.07.2017 обнародовано решение ЕСПЧ по делу «Хлебик против Украины»⁹. Это было первое решение ЕСПЧ по жалобе против Украины, связанной с потерей контроля правительства над частью территории Луганской области. Гражданин Украины А.И. Хлебик (Заявитель) обратился в ЕСПЧ с жалобой против Украины, в которой сообщал, что в 2013 году был осужден судом к длительному сроку лишения свободы. На приговор подана апелляционная жалоба. Однако Апелляционный суд Луганской области в период его работы в г. Луганске не смог рассмотреть эту апелляционную жалобу в связи с военными действиями пророссийских сепаратистов (как указал ЕСПЧ, террористических организаций). После переезда апелляционного суда в г. Лисичанск, суд по-прежнему не смог рассмотреть апелляционную жалобу по сути, поскольку материалы дела остались на территории Луганской области, не подконтрольной украинской власти. 18.03.2016 Лисичанский суд освободил заявителя из-под стражи на основании закона Савченко.

В жалобе заявитель утверждал, что Государство Украина не смогло обеспечить рассмотрение его апелляционной жалобы в разумные сроки, чем нарушило по отношению к Заявителю статью 6 Конвенции. В результате рассмотрения жалобы ЕСПЧ указал:

⁹ <https://rm.coe.int/case-of-khlebyk-v-ukraine-1-ukr-ed/1680738311> – текст на украинском языке, <https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22:%5B%22001-175656%22%5D%7D> – текст на английском языке. См. также публикацию соавтора [12].

– вследствие масштабных военных действий в период с мая по август 2015 г. Правительству Украины удалось вернуть под свой контроль некоторые территории Донецкой и Луганской областей, но с тех пор определенные части этих регионов остались неподконтрольными Правительству, в том числе, Перевальский район (там, где были совершены преступления, за которые заявитель был осужден), г. Алчевск (там, где проходило судебное рассмотрение дела Заявителя, и он был признан виновным) и г. Луганск (там, где находился Апелляционный суд) (п. 11 Решения);

– обращаясь к обстоятельствам настоящего дела, Суд считает бесспорно установленным, что Заявитель имел возможность подать апелляцию против его осуждения, и это обращение было принято к рассмотрению по существу. Также неоспоримо, что ключевая причина, по которой дело заявителя до сих пор не рассматривалось Апелляционным судом, заключается в том, что его дела больше не доступны в результате военных действий в тех областях, которые правительство не контролирует. Поэтому нет никаких сомнений в том, что власти государства-ответчика не имели намерений ограничивать осуществление права Заявителя на доступ к апелляционному суду (п. 70, 71);

– Заявитель не утверждал, что отсутствие механизма для Луганской обл. связано с недостатком со стороны украинских властей, а не с какой-либо другой стороной. Следует также учитывать тот факт, что военные действия в этом районе продолжаются в течение рассматриваемого периода, и до сих пор не было установлено стабильного и длительного прекращения огня (п. 74);

– Суд приходит к выводу о том, что с учетом вышеизложенных соображений, национальные власти сделали все возможное, чтобы справиться с ситуацией Заявителя. Заявитель не смог указать на какое-либо другое конкретное действие, которое имеют в своем распоряжении власти государства-ответчика в настоящее время. В свете вышесказанного и с учетом объективных препятствий, с которыми сталкиваются украинские власти, Суд считает, что не было нарушения статьи 6 Конвенции (п. 79, 81).

Таким образом, ЕСПЧ пришел к выводу, что Украина в лице своей власти объективно не может гарантировать соблюдение прав человека на территориях, которые Украина не контролирует, и потому не отвечает за происходящее на этих территориях.

Вместе с тем нельзя не остановиться на том, что исключив вину Украины, ЕСПЧ прямо не указал, кто на самом деле виноват в нарушении прав жителей, которые проживают на территориях, не подконтрольных украинской власти. ЕСПЧ описал это так:

*«66. Суд с самого начала отмечает, что сфера рассмотрения им дела ограничена тем фактом, что заявление направлено только на Украину¹⁰ (контраст, например, *Plascu and Others v. Moldova and Russia*), и что Заявитель не утверждал, что его права были нарушены из-за недостатка меха-*

¹⁰Здесь и далее выделено авторами.

низмов міжнародного співробітництва між Україною і будь-якою іншою Високою Договірною Стороною».

То є Суд прямо указав, що має місце пряма аналогія з згаданим вище делом «Илашку...», і що потенціальна вина РФ і в даному справі лежить на поверхні. А це означає, що автори скарги не мали наміру реально захистити права Заявця і, можливо, отримати для нього справедливий задоволення, наприклад, за рахунок РФ, а розглядали цю скаргу як спосіб інформаційного тиску на Україну.

Тема наявності/відсутності вини України за незаконне порушення прав жителів, які проживають на територіях, не підконтрольованих українською владою, продовжена в рішенні ЄСПЧ від 13.02.2018 по справі «Цезарь і інші проти України»¹¹. Справа була ініційована сім'єю заявців, поданою проти України в Суд сім'єю громадянами України.

Заявці стверджували, що українська влада незаконно і непропорційно призупинила виплату їм пенсій і інших соціальних виплат, які їм призначалися в м. Донецьку, території, не підконтрольовані в цей час Уряду, і що в результаті переміщення судів з Східної України, вони не могли подавати позови в суд. Три заявці стверджували також, що вони зазнали дискримінації в стосунку до їх права на доступ до правосуддя і їх права власності за ознакою місця проживання, незважаючи на статтю 14 Європейської Конвенції в поєднанні зі статтею 6 Конвенції і/або статтею 1 Протоколу № 1 до Конвенції (п.п. 3, 73 Рішення).

По справі цих скарг ЄСПЧ, посилаючись на попереднє рішення по справі «Хлебик проти України», встановив наступне:

– неможливість судів, розташованих в місті, де проживають заявці, вирішувати їх вимоги – є результатом воєнних дій в цих районах, які знаходяться поза контролем Уряду (п. 47 Рішення);
– в справі «Хлебик проти України» Суд передбачив, що органи влади України прийняли всі необхідні заходи по організації судової системи таким чином, щоб забезпечити права, передбачені статтею 6 Конвенції, в конкретній ситуації постійного конфлікту, і дійшов висновку, що вони зробили все, що в їх силах при цих обставинах, для вирішення ситуації заявця. Аналогічно, в цій справі Суд вважає, що національні органи влади належним чином виконали очікувані від них заходи для забезпечення належного функціонування судової системи, що робить її доступною для жителів територій, не контролюваних Урядом... В таких обставинах неможливість заявців подавати свої позови в суд в своєму місті проживання погіршує сутність їх права на доступ до правосуддя. Обмеження цього права було обумовлено об'єктивним фактом воєнних дій в районах, які не контролює уряд, і це обмеження, очевидно, не було непропорційним (п. 55);

¹¹ <https://www.msp.gov.ua/news/14818.html?PrintVersion> – на українському і англійському мовах.

– Суд отмечает, что право, предусмотренное статьей 14 Конвенции, быть обеспеченным без дискриминации правами, гарантированными Конвенцией, нарушается, когда государства относятся по-разному к лицам с аналогичными ситуациями без предоставления объективного и разумного обоснования (п. 75);

– прежде всего, Суд отмечает, что первые три заявителя сравнивали свою ситуацию с ситуацией резидентов других территорий Украины, которые находятся под контролем правительства. Однако главная разница между положениями первых трех заявителей по сравнению с положениями лиц, проживающих на территории других регионов, контролируемых Правительством, заключается в том, что в городе, где проживают эти заявители, Правительство не осуществляет свои полномочия. **Очевидно, это значительно ограничивает, если не лишает Правительство возможности эффективно поддерживать деятельность судов и осуществлять социальные выплаты на этой территории. Объективный фактор военных действий, происходящих в регионе, где проживали первые три заявителя,** заставил Правительство принять меры по исправлению положения, которые не нужны в других частях страны, которые остались под контролем правительства. Учитывая вышеизложенное, Суд считает, что первые три заявителя не оказались в «аналогичной ситуации» по сравнению с теми, кто проживает на территории, контролируемой Правительством (п.п. 76, 77);

– следовательно, жалоба **очевидно необоснованна и должна быть отклонена**, в соответствии с пунктами 3 и 4 статьи 35 Конвенции» (п. 78).

Таким образом, ЕСПЧ признал законным отказ Украины осуществлять социальные выплаты и организовывать правосудие на неподконтрольных государству территориях.

Вместе с тем следует отметить, что споры по поводу государства, ответственного за население, находящегося под «гибридной оккупацией», становятся реальным фактором информационной войны. При этом информационная война в этой части является составной частью той же «гибридной оккупации», поскольку направлена, в основном, на население, находящееся под «гибридной оккупацией».

Наиболее известными темами для информационных атак относительно проблем оккупированных территорий Украины является тема подачи в Крым днепровской воды и тема украинских социальных выплат на Донбассе.

Так, в материале «Укринформ» от 20.10.2020 говорится¹², что проблема нехватки воды на оккупированном полуострове сегодня в топе новостей о Крыме. Утверждениями о «гуманитарной катастрофе» и «угрозе чрезвычайной ситуации в Крыму» Россия пытается переложить ответственность за ситуацию в Крыму на Украину. И практически все крымчане начинают думать о причастности Украины к водной катастрофе на полуострове.

¹² <https://www.ukrinform.ru/rubric-crimea/3124617-voda-v-krym-vygod-iz-gumanitarnoj-katastrofy-ili-pogruzenie-v-plen-okkupacii.html>.

Аналогичными являются информационные атаки по поводу обязанности Украины осуществлять социальные выплаты на неподконтрольной территории Донецкой и Луганской областей [10].

Однако приведенные выше выводы ЕСПЧ снимают со страны-жертвы «гибридной войны» «обязанность» помогать стране-агрессору выполнять обязательства перед населением, возникшие в силу осуществления «гибридной оккупации» («эффективного контроля»).

Выводы. Изложенное исследование приводит к следующим итогам.

1. В современных условиях мировой глобализации «гибридная война» стала одной из угроз государствам. В случае относительной удачи страны-агрессора у страны-жертвы «гибридной войны» возникает такое последствие «гибридной войны», как «гибридная оккупация» территории. В практике ЕСПЧ эту ситуацию называют еще «эффективный контроль» [со стороны государства-агрессора]. Это состояние возникает из-за неспособности государства-жертвы контролировать такие территории. Сегодня сущность понятий «гибридная война», «гибридная оккупация» целесообразно рассматривать с учетом особенностей агрессивных действий РФ против Украины.

2. Вместе с тем, «гибридная оккупация» – это такое состояние оккупации, которое является неочевидным. Агрессор часто прибегает к скрытым действиям, чтобы избежать идентификации или возмездия. При таких условиях, у страны-агрессора возникает соблазн переложить ответственность за соблюдение прав и интересов населения, находящегося под «гибридной оккупацией», на страну-жертву. Споры по поводу такой ответственности является частью информационной войны против страны-жертвы «гибридной оккупации». При таких условиях требует четкого юридического установления круга обязанностей страны-жертвы по отношению к своим гражданам, которые находятся под «гибридной оккупацией».

3. ЕСПЧ неоднократно устанавливал, что ответственность государства может иметь место за действия его должностных лиц, совершенные в рамках или вне национальных границ, которые имели воздействие за пределами их собственной территории. Такая ответственность может возникнуть в результате военного действия и, как следствие, «эффективного контроля» за пространством, находящимся за пределами национальной территории. В этой области обязательство по защите прав и свобод, закрепленных в Конвенции, устанавливается наличием факта этого контроля, осуществляемого напрямую через вооруженные силы или подчиненную местную администрацию. Такую позицию Суд сформулировал, как минимум, в 6 решениях, в том числе в двух решениях – непосредственно относительно Украины. В частности, в решениях по делам «Хлебик против Украины» (25.07.2017), «Цезарь и другие против Украины» (13.02.2018) ЕСПЧ признал законным отказ Украины осуществлять социальные выплаты и организовывать правосудие на неподконтрольных государству территориях. Таким образом, украинские власти и другие официальные лица

не должны стыдиться и оправдываться за невозможность осуществлять данные действия – позиция ЕСПЧ является свидетельством норм международного права об отсутствии соответствующих обязанностей для страны – жертвы «гибридной оккупации».

Литература:

1. Міхеєв Ю.І., Чернявський Г.П., Турченко Ю.В., Пінчук О.І. Дефініції поняття «гібридна війна». *Збірник наукових праць Військового інституту Київського національного університету імені Тараса Шевченка*. 2016. Вип. 51. С. 124-130.
2. Туранський М.О., Харук А.І. Гібридна війна Росії та анексія Криму: оцінка польських дослідників. *Україна-Польща: історична спадщина і суспільна свідомість*. 2019. Вип. 12. р. 194-204.
3. Требін М.П. «Гібридна» війна як нова українська реальність. *Український соціум*. 2014. № 3. С. 113-127.
4. Чекаленко Л. Про поняття «гібридна війна». *Віче*. 2015. № 5. С. 41-42.
5. Проноза І.І. Гібридна російсько-українська війна як загроза європейській безпеці. *Політикус*. 2016. Вип. 1. С. 126-130.
6. Belkin M., Iurynets Ju., Batanova L., Marych Kh., Ierko G. European approaches to resolving public disputes between population and him countries in cases of hybrid occupation. *International Journal of Scientific and Technology Research*. 2020. Vol. 9 (1), pp. 3838-3843.
7. Белкин М.Л. Международно-правовая концепция «эффективного контроля» чужих территорий и уроки для Азербайджана и Украины. *Юридические науки и образование*. Журнал № 50. Баку, 2017. 1 кв. С. 32-47.
8. Герасименко Є. Щодо «ефективного контролю» і неефективної критики. *Українська правда*. 17.02.2017. URL: <https://www.prawda.com.ua/columns/2017/02/17/7135511>.
9. Малига В., Новашок Д. Концепції ефективного та загального контролю у міжнародному праві: теорія та практика. *Вісник Львівського університету. Серія міжнародні відносини*. 2017. Вип. 42. С. 192-200.
10. Белкін Л. Проблеми соціальних виплат на Донбасі у контексті рішення Європейського Суду з прав людини. *Юридична газета*. 09.12.2014 р. № 42-43 (436-437). С. 36-37.
11. Белкин М.Л., Белкин Л.М. Почему «эффективный контроль» чужих территорий тождественен оккупации. *Обозреватель*. 20.05.2017. URL: <https://www.obozrevatel.com/my/politics/78253-pochemu-effektivnyij-kontrol-chuzhih-territorij-tozhdestvenen-okkupatsii.htm>.
12. Белкин Л.М. ЕСПЧ пришел к выводу, что Украина не несет ответственности за несоблюдение гарантий прав человека в ОРДЛО, которые она не контролирует. *Обозреватель*. 27.07.2017. URL: <https://www.obozrevatel.com/my/politics/90631-evropejskij-sud-po-pravam-cheloveka-prishel-k-vyvodu-cto-ukraina-ne-neset-otvetstvennosti-za-nesoblyudenie-garantij-prav-cheloveka-v-ordlo-kotoryie-ona-ne-kontroliruet.htm>.
13. Федорова А. «Кипр против Турции» в украинно-российских отношениях. 16.05.2014. URL: https://jurliga.ligazakon.net/analitics/110767_kipr-protiv-turtsii-v-ukraino-rossiyskikh-otnosheniyakh.
14. Дементьев А. Донецк и Луганск против Украины: ЕСПЧ стал на сторону Киева. *UNIAN*. 19.02.18. URL: <https://www.unian.net/society/10012451-doneck-i-lugansk-protiv-ukrainy-espch-stal-na-storonu-kieva.html>.

Iurinets Yu., Belkin M., Sopilko I., Belkin L. “Hybrid war” and “hybrid occupation”: humanitarian consequences and conclusions for Ukraine

The article considers the ratio of responsibilities of the aggressor country and the victim country to ensure the normal functioning of the population in the territories under the control of the aggressor state (“hybrid occupation”, “effective control”), ensuring respect for the rights and freedoms of citizens. This condition of these territories arises due to the inability of the victim state to control such territories. At the same time, “hybrid occupation” is a state of occupation that is not obvious. Under such conditions, the aggressor country is tempted to shift responsibility for the rights and interests of the population under «hybrid occupation» to the victim country. Disputes over such liability are part of the information war against the victim country of the “hybrid occupation”. Under such conditions, it requires a clear legal definition of the responsibilities of the victim country in relation to its citizens who are under “hybrid occupation”. Thus, the purpose of this article is to study the delineation of the responsibility of the aggressor country and the victim country for livelihoods in the territories under “hybrid occupation”, for the observance of the rights and freedoms of citizens.

The analysis of international law in this area is based on six judgments of the European Court of Human Rights, namely: “Loizidou v. Turkey”, “Cyprus v. Turkey”, “Ilascu and others v. Moldova and Russia”, “Chiragov and others v. Armenia”, “Khlebiuk v. Ukraine”, “Tsezar and others v. Ukraine”, including the last two – directly in relation to Ukraine. It is proved that the responsibility for the welfare and observance of the rights of the population of these territories by the Court rests entirely with the state that occupies (controls) these territories. Thus, the Ukrainian authorities and other officials should not be ashamed and excused for not being able to take action against territories that Ukraine does not control.

Key words: “hybrid war”, “hybrid occupation”, “effective control”, country-aggressor, country-victim, European Court of Human Rights.